

После шумного дня рождения жизнь, словно река, вернувшись в своё русло после половодья, потекла размеренно и привычно.

Экзамены назначили на конец января, и едва они отгремели, как в Дэинь повеяло приближающимися каникулами — впереди был долгожданный Праздник Весны.

В классе царило то особое, приподнятое настроение, которое бывает только в предвкушении долгих выходных. На переменах все только и делали, что обсуждали планы на каникулы: кто-то грезил о заграничных вояжах, кто-то собирался к родственникам в другие города, а самые отчаянные мечтали о заснеженных склонах и горных лыжах. Вариантов было великое множество — на любой, самый взыскательный вкус.

— А ты? — Шэнь Шаоянь, как всегда бесцеремонно вклинившись в чужие мысли, повернулся к соседу по парте. — Цзи Линьсюэ, а ты куда?

Цзи Линьсюэ поднял на него спокойный, чуть отстранённый взгляд.

— Домой, — коротко ответил он.

— Ах да! — Шэнь Шаоянь хлопнул себя по лбу, словно совершил величайшее открытие. — Ты же из города А, это ж у чёрта на куличках!

Удовлетворив своё любопытство, он тут же переключил внимание на тех, кто сидел сзади.

— Лу-рыбка, Хэн-гэ, а вы? Есть какие-то планы? — в его голосе зазвучали заговорщицкие нотки.

— Говори прямо, не темни, — Лу Юй, не прекращая крутить в пальцах ручку, окинул его подозрительным взглядом. — Опять хочешь затащить нас на какую-нибудь сомнительную тусовку?

— Клевета! — Шэнь Шаоянь возмущённо выпучил глаза. — Самая что ни на есть приличная, уважаемая вечеринка!

Лу Юй ответил ему ледяной, полной скептицизма усмешкой. Шэнь Шаоянь, не выдержав этого испепеляющего взгляда, мгновенно сдулся, как проколотый воздушный шарик.

— Ну правда, самая обычная, без ничего такого... — пробормотал он, отводя глаза.

Поняв, что с Лу Юем каши не сварить, он переключил своё внимание на последнюю надежду — Гу Хэнчжи.

— Хэн-гэ... — протянул он умоляюще.

Тот, даже не повернув головы, словно заранее зная, что последует, отрезал безжалостно и бесповоротно:

— Занят.

Они росли вместе, и Гу Хэнчжи прекрасно знал, что представляет из себя Шэнь Шаоянь. Девушки у него менялись с калейдоскопической быстротой, развлечения были, мягко говоря, на любой вкус. Однажды Гу Хэнчжи, поддавшись на уговоры, уже попал на такую «респектабельную» вечеринку и ему хватило нескольких минут, чтобы, не сдержав безгливости, просто развернуться и уйти, даже не попрощавшись.

— В этот раз точно всё прилично! — зачастил Шэнь Шаоянь, видя, что лёд тронулся. — Та самая, из семьи Су, тоже придёт, — он понизил голос до заговорщицкого шёпота и, склонившись к уху Гу Хэнчжи, быстро прошептал что-то, из чего можно было разобрать лишь женское имя. — Она сама организует. Говорят, будет куча всего интересного. Ну пойдём, а?

Гу Хэнчжи задумчиво помолчал несколько секунд, взвешивая все «за» и «против».

— В последний раз, — вынес он наконец суровый вердикт.

Шэнь Шаоянь уже расплылся в довольной, почти счастливой улыбке, как вдруг Гу Хэнчжи неожиданно повернулся к Цзи Линьсюэ.

— Ты тоже идёшь, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

Цзи Линьсюэ от неожиданности опешил.

— Я не хочу, — выпалил он, не успев подумать.

Не успел он договорить, как чей-то локоть больно ткнул его под рёбра. Шэнь Шаоянь, сидевший рядом, отчаянно жестикулировал и одними губами беззвучно повторял: «Соглашайся! Ну соглашайся же!»

Цзи Линьсюэ, проигнорировав эту пантомиму, твёрдо и непоколебимо покачал головой.

Гу Хэнчжи, к его удивлению, настаивать не стал.

— Не хочешь — не надо, — равнодушно пожал он плечами, давая понять, что разговор окончен.

В день отъезда в школе царила та особая, лихорадочная атмосфера, которая бывает только перед большими каникулами. Многие ученики, заранее собрав чемоданы, томились в ожидании последнего звонка, чтобы, едва он прозвучит, пулей вылететь из класса и устремиться к воротам, за которыми их ждала свобода.

На фоне этой всеобщей, почти панической спешки Цзи Линьсюэ выделялся своей невозмутимой неторопливостью. Его билет был на завтрашнее утро, а по правилам школы ученики обязаны были покинуть общежитие в течение трёх дней после окончания семестра — времени у него было более чем достаточно.

— Снежок, ты точно не хочешь пойти с нами? — Шэнь Шаоянь, с ног до головы облачённый в обновки, с волосами, уложенными лаком до состояния монолитной конструкции, выглядел так, словно собрался не на скромную вечеринку, а на приём к королеве.

— Не называй меня Снежком, — ледяным тоном отрезал Цзи Линьсюэ, даже не удостоив его взглядом. — И, как я уже сказал, завтра мне домой.

В отличие от расфуфыренного, словно павлин, Шэнь Шаояня, Гу Хэнчжи просто сменил школьную форму на повседневную, удобную одежду. Но, как это всегда бывало, стоило им оказаться в одном пространстве, как всё внимание, все взгляды сами собой, помимо воли, перетекали к нему.

— Так не пойдёт, ты слишком заметный, — Шэнь Шаоянь, словно фокусник, извлёк откуда-то из воздуха очки в простой, ничем не примечательной оправе. — Это без диоптрий, простые стёкла. Надень, хоть немного замаскируешься.

Гу Хэнчжи брезгливо отстранился от протянутой руки.

— Ты что, с ума сошёл? — скривился он. — Не надену.

Лу Юй, наблюдавший за этой сценой, откровенно наслаждался зрелищем, даже не пытаясь скрыть довольной усмешки.

— Ну правда, очень идёт! — не унимался Шэнь Шаоянь. — Не веришь — спроси у Цзи Линьсюэ!

Гу Хэнчжи с сомнением, чуть прищурившись, перевёл взгляд на внезапно призванного в свидетели.

Цзи Линьсюэ, застигнутый врасплох, машинально поднял глаза, скользнул взглядом по его лицу и, помедлив, честно и безыскусно ответил:

— Очень идёт.

В груди у Гу Хэнчжи шевельнулось что-то маленькое, тёплое и доселе незнакомое. Он, не говоря ни слова, протянул руку Шэнь Шаояню.

— Давай.

Тот, с раболепным, почти собачьим выражением лица, поспешно вложил очки в протянутую ладонь.

Без очков Гу Хэнчжи напоминал обнажённый, только что выкованный клинок — острый, яркий, ослепительный. От него веяло холодом и непреодолимой, почти пугающей недоступностью. В очках же его облик неожиданно облагородился, приобрёл глубину и благородство. Резкость ушла, сменившись утончённостью, за которой хотелось наблюдать, к которой хотелось приблизиться, чтобы рассмотреть получше.

— Красавчик! — выдохнул Шэнь Шаоянь, заворожённый этим зрелищем, и тут же, спохватившись, прикусил язык, осознав, что своими руками, сам того не желая, добился прямо противоположного эффекта.

Когда троица, наконец, покинула комнату, в ней воцарилась звенящая, почти осязаемая тишина. Цзи Линьсюэ неторопливо собрал свои нехитрые пожитки — вещей у него было немного, и всё без труда уместилось в один-единственный чемодан.

Рано утром следующего дня он уже сидел в скоростном поезде, уносившем его в город А.

Поезд мчался вперёд, плавно и почти беззвучно разрезая воздух. От нечего делать Цзи Линьсюэ открыл WeChat и с удивлением обнаружил, что в чате их комнаты, который он обычно просматривал мельком, не вникая, появились новые сообщения.

Чат был создан для четверых, но, по сути, там безраздельно царил один Шэнь Шаоянь со своими пространными монологами. Лу Юй и Гу Хэнчжи вставляли слово крайне редко, а он и вовсе предпочитал отмалчиваться.

Сообщения, как выяснилось, были вчерашними, и исходили от взбешённого до крайности Шэнь Шаояня.

Болтун_сам_себе_враг: А-а-а-а! Все мои труды по созданию идеального, сногшибательного образа пошли прахом! Пропали! Ненавижу этот несправедливый мир!

Рыбка_ест_крупную_рыбу: Случилось чего? — это, судя по нику, отозвался Лу Юй.

Болтун_сам_себе_враг: Больше никогда в жизни! Слышите? Ни-ко-г-да! Не позову Хэн-гэ на тусовку! Как только он появился, все девушки, как замороженные, только на него и пялились! И это ещё не всё! Девушка, которая мне нравилась, при всех ему в любви призналась! :)

Рыбка_ест_крупную_рыбу: О, бедняга [хлопает в ладоши.gif]

Болтун_сам_себе_враг: Мог бы хоть пару слов утешения сказать, бесчувственная ты рыба! Я вообще-то подозреваю, что она специально это сделала! Знала же, стерва, что я для неё праздник устраиваю, и выбрала именно этот день, чтобы перед Хэн-гэ распустить хвост! Специально, чтобы меня побесить, да?

Рыбка_ест_крупную_рыбу: Не бери в голову. Может, оно и к лучшему, что догадался? [грызёт семечки.gif]

Болтун_сам_себе_враг: ... Да убери ты свои грёбаные семечки! Бесишь!

Рыбка_ест_крупную_рыбу: [угощаю.gif]

Болтун_сам_себе_враг: [хлопает в ладоши.gif]

Цзи Линьсюэ, читая эту переписку, невольно улыбнулся. Он отправил в чат смайлик с поднятым вверх большим пальцем — мол, держись, друг, — и тут же получил в ответ от Шэнь Шаояня град шуточных «кошачьих ударов».

А вот главный виновник торжества, Гу Хэнчжи, за весь вечер так ни разу в чате и не объявился.

Несколько часов спустя Цзи Линьсюэ уже переступал порог родного дома.

Мать вышла из кухни, на ходу вытирая руки о полотенце. Лицо её осветилось тёплой, радостной улыбкой.

— Приехал! — воскликнула она. — Ужин готов, иди мой руки, будем есть.

Цзи Линьсюэ почувствовал, как напряжение, не отпускавшее его последние дни, наконец-то отпустило. Черты его лица заметно смягчились.

— А папа? — спросил он, оглядываясь.

— У него переработка, — мать ловко расставляла на столе дымящиеся, аппетитно пахнущие тарелки. — Давай без него, не будем ждать. Проголодался, поди, с дороги.

Они сели ужинать вдвоём, и это ощущение домашнего уюта, нарушаемое лишь тихим звоном посуды, было бесконечно приятным. На полпути мать вдруг вспомнила о чём-то, отложила палочки, вышла из-за стола и через минуту вернулась с конвертом в руках.

— Это тебе от Чутан, — сказала она, многозначительно подмигивая. В глазах её заплясали лукавые, полные любопытства искорки. — Вы что, переписываетесь?

Цзи Линьсюэ прекрасно видел этот понимающий, чуть насмешливый взгляд. Мать у него была женщиной с передовыми, даже по нынешним меркам, взглядами. Того, чего другие родители боялись как огня — ранних отношений, — она совершенно не опасалась. Напротив, уже давно, с завидным энтузиазмом, приглядывала для сына подходящую партию.

Бай Чутан когда-то была главной, самой перспективной кандидаткой в этом тайном материнском списке.

Цзи Линьсюэ тяжело вздохнул.

— Мам, — сказал он устало, — мы с Чутан просто друзья. Сколько можно повторять?

Мать, ничуть не смутившись, пожала плечами.

— Да я просто спросила, чего ты сразу заводишься? — безмятежно ответила она.

Цзи Линьсюэ, не желая продолжать этот бессмысленный разговор, при ней же вскрыл конверт. Внутри оказался один-единственный, плотно исписанный аккуратным, мелким почерком лист.

То был изящный, по-девичьи витиеватый почерк Бай Чутан. Она подробно, но без лишних жалоб, рассказывала о своей жизни за эти полгода. Семья Бай переехала в новый, незнакомый город. Там, на новом месте, болезнь бабушки неожиданно пошла на поправку — теперь ей нужно было лишь вовремя принимать лекарства. Но младшая сестра училась, расходы неумолимо росли. Бай Чутан, работающая и ответственная не по годам, из-за возраста никуда не могла устроиться официально, поэтому подрабатывала там, где на это смотрели сквозь пальцы, — продавала напитки в барах, бралась за любую временную работу.

За эти полгода она, писала она, постепенно смирилась с гибелью родителей. Страшный удар судьбы, выпавший на её долю, заставил её повзрослеть раньше времени, научил бороться и не жаловаться.

В конце письма она рассыпалась в искренних, тёплых благодарностях в адрес Цзи Линьсюэ и торжественно обещала, что обязательно, как только сможет, вернёт ему деньги.

Цзи Линьсюэ, дочитав письмо, почувствовал, как в груди всё перепуталось — жалость, горечь, бессилие и какая-то сосущая пустота.

Всё шло по сюжету, неумолимо и неотвратимо. Стоило семье Бай покинуть город А, как бабушкина болезнь, словно по мановению волшебной палочки, отступила. Уремия — это же терминальная стадия почечной недостаточности. Без пересадки донорской почки состояние

может только ухудшаться, неуклонно приближая финал. А у неё — словно последняя, обманчивая вспышка света перед тем, как лампа навсегда погаснет. Улучшение, которое ничего хорошего, по сути, не сулит.

А через несколько лет, когда Бай Чутан, следуя предначертанному, встретит Гу Хэнчжи, болезнь, затаившаяся было, снова даст о себе знать. И это уже нельзя будет изменить.

Это был предопределённый, неумолимый финал.

<http://bllate.org/book/16531/1547198>